

І ЗОНАЛЬНЫЙ СИМПОЗИУМ «ДИАЛЕКТЫ И ИСТОРИЯ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ»

21—22 января 1986 года в Удмуртском государственном университете им. 50-летия СССР (г. Устинов) состоялся I зональный симпозиум на вышеназванную тему, продиктованную общей проблематикой научно-исследовательской работы, проводимой в последние годы его организатором — кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания. Именно по вопросам диалектологии, истории удмуртского языка, этимологии, контактирования его с языками других систем в истекшем пятилетии сотрудниками кафедры опубликовано несколько монографий. Эти же проблемы анализируются в сборниках статей, изданных сектором языка Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка. Аналогичные вопросы коми-зырянского и коми-пермяцкого языкознания исследуются в Институте языкознания АН СССР, Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, Сыктывкарском государственном университете им. 50-летия СССР и др. В связи с разветвлением исследований в области исторической пермистики и отсутствием при этом должной координации между исследовательскими центрами возникла настоятельная необходимость в проведении соответствующего симпозиума. Перед ним стояли следующие задачи: 1) подвести итоги определенного этапа в изучении истории трех близкородственных пермских языков с учетом их диалектов и материалов контактирования с другими языками; 2) выявить наиболее слабые места в исследовании данной проблематики; 3) наметить перспективы развития пермского сравнительно-исторического языкознания и 4) приступить к координации усилий сотрудников различных вузов и научных учреждений страны для решения неотложных задач современной исторической пермистики.

На двух общих и двух секционных заседаниях был заслушан 31 доклад ученых из Устинова (13 выступлений), Сыктывкара (4), Москвы (4), Таллина (3), Йошкар-Олы (3), Тарту (1), Уфы (1), Витебска (1) и Будапешта (1). Автор последнего — Э. Чирпак — не смог присутствовать на симпозиуме и представил лишь текст выступления на тему «Изафетные

образования в восточнофинно-угорских языках».

Общие и частичные вопросы диалектологии пермских языков рассматривались в 11 докладах.

И. В. Тараканов (Устинов), «Диалектология и история удмуртского языка на современном этапе», подводя итог полуторавековой истории изучения удмуртских диалектов, отметил, что удмуртская диалектология как самостоятельная отрасль языкознания сложилась лишь в последние три десятилетия. Наиболее актуальны в этой отрасли, по его мнению, следующие задачи: 1) изучение территориальных удмуртских диалектов методом лингвистической географии; 2) монографическое описание отдельных диалектов; 3) составление обобщающего исследования по удмуртским диалектам; 4) создание диалектологического словаря; 5) написание обобщающих исследований по исторической фонетике и лексикологии; 6) составление этимологического словаря удмуртского языка и некоторые другие.

А. И. Туркин (Таллин), «Современное состояние и перспективы изучения диалектов коми языка», подчеркнул, что хотя изучение коми диалектов и началось в середине XIX в., более интенсивным стало оно лишь после революции — в 20—30-е годы и особенно в послевоенные. В 50—60-е годы составлен большой «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар 1961); к настоящему времени по восьми диалектам опубликованы монографии, приложения к которым содержат диалектную лексику в объеме свыше 26 тысяч слов, т. е. в несколько большем, чем в ССКЗД. Однако эти публикации не лишены недостатков: 1) в неполном объеме отражают лексику коми диалектов, особенно заимствованную; 2) не во всех представлена ономастическая лексика; 3) слабо изучена фонетика, особенно экспериментальным способом; 4) недостаточно изучено словообразование — как именное, так и глагольное. Докладчик пришел к выводу, что диалектная система коми языка, выявленная еще в середине прошлого века, ясна, удобна и не нуждается в пересмотре.

Оптимизма А. И. Туркина в последнем

вопросе не разделил В. А. Ляшев (Сыктывкар), «Коми языкознание и вопросы диалектного районирования». Как он сообщил, диалектная практика на севере сталкивается в настоящее время с необходимостью детального изучения микроструктур в рамках диалекта. Так, ижемский диалект можно подразделить на более сложные ареальные образования в иерархии «диалект — говор». Диалектная область, объединяющая ловозерский, красношельский и каневский говоры кольских ижемцев, противопоставляется собственно ижемским говорам набором существенных фонетико-фонологических и грамматических признаков. Отличия от собственно ижемских говоров имеются и в зауральской языковой области. Одной из проблем в пермской диалектологии остается поиск адекватных ареальных единиц описания. Докладчиком выдвинута рабочая модель группировки коми диалектов и говоров и изучения языковых фактов в рамках пяти междиалектных зон.

В докладе А.-Р. Хаузенберг (Таллин) «Формирование коми диалектов: факты и гипотезы» обсуждались некоторые принципиальные вопросы формирования и развития диалектов, исследования истории вариантности современного коми языка, вариантности/инвариантности пракоми языка и т. д. Однако в этих вопросах, как заметила докладчик, не следует спешить с выводами, ибо выяснение древнейшего членения языка нуждается в дополнительном детальном изучении истории языковых фактов.

Несколько уточненную классификацию удмуртских диалектов предложил В. К. Кельмаков (Устинов), «Проблема диалектного членения удмуртского языка». На основе картографирования отдельных диалектных явлений он считает, что удмуртская языковая область по важнейшим показателям делится на два основных диалектных ареала — северный и южный, противопоставленных друг другу на всех уровнях; между ними расположена довольно обширная зона, в различной степени совмещающая северные и южные черты; особняком стоит язык бесермян. Исходя из этого, докладчик выделил три наречия (северное, южное и бесермянское) и одну группу промежуточных говоров (срединных). Более дробное членение северного наречия и срединных говоров требует дальнейшего исследования; южное

же четко членится — преимущественно на основе фонетических изоглосс — на южный и периферийно-южный диалекты, последний в свою очередь на шошминский, бавлинский, кукморский, татышлинский, красноуфимский, буйско-таныпский (закамский) и другие говоры.

Р. М. Баталова (Москва), «О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков», обратила внимание слушателей на то, что наличие общих ареалов распространения отдельных фонетических и морфологических явлений в пределах нескольких диалектов или даже близкородственных языков может быть обусловлено миграционными процессами. На основе общих изоглосс докладчик предполагает наличие былых оживленных контактов между носителями верхне-лупинского и ижемского диалектов, между лузско-летскими коми и Кировскими коми-пермяками (носителями верхнекамского наречия) и т. д.

М. Г. Атаманов (Устинов), «Графические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом», отмечает отсутствие в удмуртском языке единого слова для обозначения понятия «лес», а каждое из существующих слов с этим значением (*н'улэс, тэл', с'ик, с'урд, ч'яч'я, т'аш'я*) имеет свой ареал распространения; в историческом же плане они обозначали — как ныне в отдельных диалектах — определенную разновидность леса, например: *тэл'* 'заросли молодого хвойного леса, чашоба', *с'ик ~ чик* 'смешанный лес небольших размеров', *с'урд* 'березняк, березовая роща', *ч'яч'я, т'аш'я* < рус. *чаща*. Это явление, по мнению докладчика, могло быть древним наследием.

В докладе Б. Ш. Загуляевой (Устинов) «Особенности категории множественности имен существительных в южно-удмуртском наречии» установлена тенденция к расширению сферы использования формы множественного числа, в частности, в лексико-грамматическом разряде собственных, вещественных, собирательных существительных, а также обозначающих парные или даже единичные предметы.

Определенное внимание на симпозиуме уделялось взаимоотношению литературного языка с диалектами. Б. И. Каракулов (Москва), «Отражение диалектных особенностей в памятниках удмуртской письменности XIX века», анали-

зировав этапы возникновения книжно-письменного языка и участие различных территориальных диалектов в его формировании. Г. А. Ушаков (Устинов), «Текстообразующая роль диалектизм в произведениях художественной литературы», рассмотрел вопросы функциональной роли диалектизм в организации художественного текста. Анализируя язык романа Г. Перевошикова «Иыбыртты музейемлы», он выявил причины отрицательной реакции читателей и критики на языковое оформление романа, которые связаны, в частности, с небрежным использованием диалектизм и нарушением общей тенденции современной удмуртской литературы в отношении к диалектизмам. Об употреблении южноудмуртских диалектизм и этнографизмов М. Петровым в поэме «Италмас» доложил Д. А. Яшин (Устинов).

Отдельным вопросам исторической грамматики и лексикологии пермских языков было посвящено 7 докладов.

Предметом исследования Н. Д. Мановой (Сыктывкар), «Из истории развития сложноподчиненных предложений с союзом *кӧ* в коми языке», послужили структурно-семантические и стилистические особенности коми сложноподчиненных предложений с условным союзом *кӧ* 'если' в их развитии. Докладчик установила, что названный тип предложений, будучи одним из наиболее ранних и самобытных в коми языке, претерпел изменения как в результате отбора внутренних языковых ресурсов, так и под влиянием русского языка.

А. Ф. Шутов (Устинов), «Согласование определений с существительным в пермских языках», на основе сравнения случаев согласования определений с определяемыми словами в удмуртском языке (напр., в числе и падеже при оформленности определения с указательно-выделительным суффиксом *-(й)эз/-ыз* и факультативно во множественном числе при наличии аффикса *-(й)эсь*) с материалами коми языка, пришел к выводу, что указанные типы согласования в удмуртском языке, по всей вероятности, появились в период его самостоятельного развития.

П. Пяль (Таллин), «Возможные пути возникновения II спряжения удмуртских глаголов», оспаривая традиционную точку зрения, согласно которой суффикс

глаголов II спряжения *-a(-ны)* восходит к суффиксу многократности **-al*, выявил несколько групп глаголов, в которых показатель II спряжения *-a-* не имеет генетической связи с первичным многократным суффиксом.

По мнению Г. А. Некрасовой (Тарту), «Аллатив места в пермских языках», названный прапермский падеж с локативным значением на синхронном уровне квалифицируется как диалектное и реликтовое явление. Исходя из зафиксированных примеров, докладчик установила, что постепенное вытеснение аллатива места из падежной системы обусловлено совпадением его значений с функциями иллатива и аппроксиматива.

Е. А. Цыпанов (Сыктывкар), «Грамматическая синонимия активных причастий на *-ысь* и активных значений причастий на *-ан, -ана* в коми языке», выяснил, что синонимия вышеназванных форм приводит к сужению употребления форм на *-ан, -ана* и к постепенной их адъективации.

Доклады С. В. Соколова (Устинов) и В. К. Кельмакова (Устинов) посвящены этимологии отдельных слов: первый докладчик, «Татарское или древнебашкирское?», установил древнебашкирское происхождение удм. *пислэг* 'синица' (этимологически первичное *нежа* 'синица' вытеснено на диалектную периферию); второй, «Из пермских этимологий», обратил внимание на происхождение удм. *уктыны* 'срубить, рубить, повалить, валить (дерево); спилить, пилить (дерево)', комиЯ *пӧппуж* 'веснушка', коми *кыявыны* 'порозить'.

Одно из центральных мест в работе симпозиума занимали проблемы контактирования пермских языков с родственными и неродственными языками на различных этапах развития (10 докладов).

Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола), «О так называемых контактах древнемарийских племен с пермянами», выразил скептическое отношение к широко распространенной среди археологов и лингвистов гипотезе, согласно которой территория Марийского края некогда была занята древними пермянами, позднее удмуртами. На основе историко-этимологического анализа общей пермско-марийской лексики он пришел к выводу, что часть коми-марийских параллелей проникла в эти языки из рус-

ского (*пичал* ~ *пичав* 'ружье') или иранских (мар. *ваче* 'плечо' ~ коми *вогилы* 'ключица') языков либо имеет иное происхождение (мар. *пӧри* 'черт' < тюрк. и коми *пера* (= богатырь) — финно-угорское наследие); что касается марийских заимствований в удмуртском и удмуртских в марийском, то они носят диалектно ограниченный и хронологически поздний характер. Докладчик усомнился в возможности коми-марийских и удмуртско-марийских контактов в древнее время.

О былом пребывании удмуртов на северо-восточной части современной территории Марийской АССР, южной части Кировской области и в Тоншаевском районе Горьковской области свидетельствуют топонимы с компонентом *одо* — марийское название удмуртов. Эти и некоторые другие материалы, свидетельствующие об удмуртско-марийских контактах, привел А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) в докладе «Удмуртские компоненты в названиях марийских селений».

В. И. Вершинин (Йошкар-Ола), «Удмуртские заимствования в прикамских говорах марийского языка», отметил, что удмуртское влияние на контактирующие марийские диалекты более результативно на фонетическом уровне, нежели на лексическом. Среди заимствованных лексем преобладают ботанические термины (*вӱльб* 'камбий', *лаур*: *лаур шудо* 'купена'), этнографизмы (*шара*: *шара йитӧ* 'вид широкого пояса').

А. Г. Шайхулов (Уфа), «Аспекты системного исследования болгарского языкового наследия в финно-угорских языках волжской и пермской групп», на основе анализа болгарских заимствований в рамках четырех лексико-семантических групп (1. «Природа». 2. «Человек». 3. «Общество». 4. «Познание») предложил определенную методику вычленения истинно-болгарского языкового пласта в указанных финно-угорских языках.

М. К. Каракулова (Москва), «К вопросу о спаренных глаголах в удмуртском и татарском языках», в противовес общепринятому мнению о решающей роли татарского языка в формировании класса спаренных глаголов в удмуртском языке выдвинула гипотезу о возможном автохтонном их происхождении.

Е. А. Игушев (Сыктывкар), «Особенности развития диалектов сибирских коми в иноязычном окружении», обратил внимание на заимствование лексем из немецкого, хантыйского, мансийского и татарского языков в диалекты коми, проживающих языковыми островками в Зауралье. При всем этом коми Зауралья сохраняют диалектные различия материнского языка.

Различные аспекты взаимодействия русского и удмуртского языков рассмотрены в докладах Р. Ш. Насибуллина (Устинов), «К вопросу о хронологизации русских заимствований в удмуртском языке»; А. А. Алашеевой (Устинов), «Некоторые особенности русских заимствований верхнепечного говора удмуртского языка»; И. П. Поздеевой (Устинов), «Экспериментальные исследования некоторых аспектов фонетико-фонологической интерференции в русской речи билингов-удмуртов»; Г. А. Архипова (Устинов), «О некоторых лексических особенностях слободских говоров удмуртского языка».

Отдельные вопросы пермской топонимики были объектом исследования в докладах А. М. Мезенко (Витебск) «Принципы номинации улиц Витебска и Ижевска» и С. К. Бушмакина (Москва) «Топонимические свидетельства миграции удмуртов».

В резолюции симпозиума, единогласно принятой на заключительном пленарном заседании, указаны первоочередные задачи, стоящие перед сравнительно-исторической пермистикой (изучение диалектов пермских языков лингвогеографическими методами по единой программе; унификация (хотя бы в пределах пермской диалектологии) содержания терминов для обозначения единиц диалектного дробления — наречие, диалект, говор и т. д.; интенсификация исследований в области исторической фонетики и исторической лексикологии пермских языков и др.); принято решение проводить зональные симпозиумы по данной теме раз в два года в ведущих центрах пермистики — Устинове и Сыктывкаре.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Устинов)